

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ДО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1989
Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1991

- дов и версии их арабского происхождения. - Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Ш. Арабские страны. Ереван, 1967, с.193-196.
5. А.И.Першиц. Оседлое и кочевое общество северной Аравии в новое время. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1971, с. 32-33.
 6. А.М.Васильев. История Саудовской Аравии (1745-1973). М., 1982, с. 48, 49.
 7. А.М.Ментешавили. Курды. Очерки общественно-экономических отношений, культуры и быта. М., 1984, с.61, 104.
 8. См. Qhassemlou Abdul Rahman. Kurdistan and kurds. Prague, 1965, p. 106.
 9. Cl.J.Rich. Narrative of a residence in Koordistan and on the site of ancient Nineveh, with journal of a voyage down the Tigris to Bagdad and an account of a visit to Shirauz and Perserpolis. Vol. I, p. 150-151.
 10. Баязиди Мела Махмуд. Нравы и обычаи курдов. Перевод, предисловие и примечания М.Б.Руденко. М., 1963, с. 42-43.
 11. Х.Абовян. Курды. - Полное собрание сочинений в 8 томах. Т. 8, Ереван, 1958, с. 360-361.
 12. F.Barth. Principles of social organization in Southern Kurdistan. - Universitetes Etnografiske Museum Bulletin, N 7. Oslo, 1953, p. 45.
 13. Ibid., p. 36; Van Bruinessen M.M. Agha, shaikh and state. On the social and political organization of Kurdistan. Utrecht, 1978, p. 80.
 14. C.J.Edmonds. Kurds, turks and arabs. Politics, travel and research in north-eastern Iraq 1919-1925. L., 1957, p. 145, 146.
 15. "Шараф-наме", т. I, с. 232, 313, 304.
 16. Там же, с. 357.
 17. Barth, p. 39.

Е.И.Васильева

СКОТОВОДЧЕСКОЕ КОЧЕВЬЕ В ИСТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КУРДИСТАНА (ЭМИРАТЫ АРДЕЛАН И БАБАН, ХУП-ХІХ вв.)

Хозяйственная жизнь подавляющего большинства населения эмиратов Арделан и Бабан была связана с двумя видами трудовой деятельности: разведением скота и обработкой земли. Число земледельцев, совершенно чуждых скотоводству, было незначительным - даже

полностью оседлые деревни имели небольшие стада, однако, в целом представляется возможным говорить о существовании в Юго-Восточном Курдистане трех хозяйственно-культурных типов. Это - оседлые жители, которые вели земледельческое хозяйство; полу-оседлое население, сочетавшее скотоводство с земледелием, и кочевники-скотоводы.

Большинство жителей эмиратов Арделан и Бабан совмещало обработку земли в долинах и на склонах гор с отгонным скотоводством, и наиболее характерным для этой части Курдистана представляется полuosедлое скотоводство в сочетании с земледелием. Кочевание носило вертикальный характер, поскольку пастбища располагались высоко в горах, и расстояние до деревни варьировалось от нескольких часов до нескольких дней пути. Такая форма нoмадизма в литературе о курдах именуется иногда *transhumance*, а также полу-нoмадизмом.¹

По вопросу о правомочности выделения "чистых" скотоводов-кочевников в самостоятельный хозяйственно-культурный тип мнения исследователей расходятся. Не существует, как заметил Г.Е.Марков, даже однозначного, общепринятого понимания самих терминов "кочевничество", "кочевое", "полукочевое", "полуоседлое" скотоводство.² Сам автор книги, посвященной кочевникам Азии, относит к кочевому хозяйственному типу как кочевников, так и полукочевников. Степень подвижности скотовода он вообще принимает за величину непостоянную и ставит ее в зависимость от количества скота и сезона: "одна и та же скотоводческая группа, сохраняя свой хозяйственный тип, может кочевать в разных местностях на различные расстояния".³

В отношении горного региона Юго-Восточного Курдистана это положение абсолютно неприемлемо. В условиях высокогорья, при наличии немногочисленных перевалов вариантность в маршрутах перекочевок была сведена к минимуму, если не к нулю. Строго ограничено было и число используемых пастбищ. В настоящее время, по свидетельству М.М.Ван Брэйнесена, каждое из кочевых племен имеет два, или максимально три горных пастбища, которые оно использует одно за другим.⁴ Поэтому кочевание курдского племени происходило в пределах строго определенной территории, и маршруты перекочевок были регламентированы хронологически и территориально.

Амплитуда кочевания в Курдистане, таким образом, выступала как величина постоянная и исчислялась с точностью до километров и дней пути. Возможно, не с такой степенью жесткости, однако, постоянной была величина амплитуды кочевания и маршрутная заданность перекочевок даже в степных районах, при так называемой "меридиональной" форме кочевания, когда стада перемещались летом на север,

а зимой на юг. Регулятором выступали скрепленные обычаем и выработанные многовековым опытом правила перекочевки и владения пастбищами.⁴

В Юго-Восточном Курдистане, во владениях династий Бани Арделан и Бабан, номады принадлежали к самостоятельному, четко обозначенному хозяйственно-культурному типу. До конца правления обеих династий могущественное объединение джафских племен, бильбасы, кальхоры, а также племена мандуми, гальбаги и другие вели кочевой образ жизни. Кочевники владели большими размерами стад скота — для ведения кочевого хозяйства необходим был минимум поголовья скота, определяемый в 80–200 голов.⁵ Амплитуда кочевания исчислялась не часами, а месяцами пути и не одной сотней километров. Например, летние на высокогорье пастбища джафов находились на расстоянии около 250 км от их зимних становищ на равнинах.⁶ Земледельческие занятия среди истинных номадов были редкими, экономика носила чисто скотоводческий характер. Номады, как заметил М.М. Ван Брэйнессен, не снисходили до земледелия, пока их к тому не принуждали силой.⁷

Социологическое наблюдение голландского ученого, подтверждаемое свидетельствами других авторов о пренебрежительном отношении кочевников к труду земледельца,⁸ указывает, как представляется, где пролегла в Курдистане реальная граница "чисто" кочевого общества и откуда начинается его отделение и противостояние.

Указанные отличия кочевого общества: владение большим поголовьем скота, параметры амплитуды кочевания существенны, однако определяющим фактором, как представляется, выступает уровень его социальной организации. Номады имели родо-племенную структуру, вне ее кочевая жизнь, кочевое хозяйство немыслимы, они утратили бы свою жизнеспособность. Экономические, социальные, административные, военные и идеологические связи, скрепляющие кочевое общество, были сведены воедино в племени. На уровне племени и его подразделений происходила организация трудовых процессов и всей социальной жизни.

Это совсем не означает, что племени вне кочевой среды не существовало. Были и оседлые племена, но племенные узы в них скорее эфемерны и ретроспективно обращены к временам, когда племя вело кочевой образ жизни. Системой фиска, повинностей, управления и контроля крестьянские хозяйства были связаны на уровне деревни. Она и выступала в оседлом и полу-оседлом обществе как единый социальный организм.

В виде фиксированной суммы на всю деревню производилось на-

логообложение земледельцев и полу-кочевников.⁹ Для ведения военных действий каждая деревня должна была направить группу конников в 10-15 человек.¹⁰ На уровне деревни принимались важнейшие хозяйственные решения по вопросам о начале ежегодной перекочевки или возвращения домой. Трудовые и иные повинности также налагались на всю деревню в целом. На уровне деревни совершались религиозные церемонии. Несмотря на "факт кочевания" на близлежащие от деревни горные пастбища, жители таких деревень выполняли весь цикл сельскохозяйственных работ и, если даже они помнили о принадлежности к племени, саморегуляция трудовой деятельности и социального бытия осуществлялась на уровне деревни.

Таким образом, можно сделать вывод, что у оседлых земледельцев и полу-кочевников социальная интеграция в Курдистане происходила на деревенском уровне в то время, как кочевники объединялись в автономные социальные организмы в виде племен. Здесь и начиналось разделение и противостояние оседлого и кочевого обществ в Курдистане, уходящее корнями в далекое прошлое, закрепленное в социальной психологии и зафиксированное в сочинениях курдских историков.

Шараф-хан Бидлиси, Мала Махмуд Баязиди, арделанские хронисты четко делили население курдских областей на райятов и илатов. Под райятами имелись в виду, по всей видимости, жители деревень, вне зависимости от того, перекочевывали они на лето в горы или оставались на месте. Илатами, или аширатными курдами, назывались кочевники, объединенные в племена (турк. "иль", араб. "ашират" = "племя").

Однако эти два общества столь яростно, как показывает книга Мала Махмуда Баязиди,¹¹ противостояли одно другому, возможно, лишь с точки зрения городского жителя, каковым был автор "Нравов и обычаев курдов". В реальной жизни ни комплексное полукочевое хозяйство, ни кочевое скотоводство, ни земледелие в Курдистане не были замкнутыми и неподвижными формами хозяйственной деятельности. Непроходимый барьер между кочевником и оседлым существовал лишь в сознании отдельных авторов, и "герметически закрытыми кастами" не воспринимали себя ни трибальные скотоводы, ни земледельцы. Во взаимоотношенияхномада и оседлого главным представляется взаимовыгодный обмен продуктами своего труда, и за традиционным соперничеством кочевника и земледельца просматривается тенденция к симбиозу, характерная, по заключению М.Роутона,¹² для номадизма всей Западной Азии.

Между этими социальными группами всегда существовала мобиль-

ность. Производство материальных благ сосредоточивалось то в хозяйстве кочевников-скотоводов – во времена войн и пограничных конфликтов, которыми местная история насыщена до предела, то в хозяйстве оседлых земледельцев – в периоды относительной стабилизации. В пределах региона был постоянный отток производительных сил из сферы кочевого хозяйства в земледелие и обратно, и соотношение этих частей варьировалось в зависимости от конкретной политической ситуации в области.

Чтобы объяснить постоянную циркуляцию производительных сил из земледельческой среды в кочевую, явно недостаточно констатации географической заданности существования кочевого скотоводческого уклада. Неприемлемым к хозяйственной ситуации в Курдистане представляется и мнение ряда авторов, что "кочевнику жилось лучше и свободнее"¹³, что содержание скота было связано с гораздо меньшей работой,¹³ и поэтому к кочеванию возвращались, как только позволяло поголовье скота.

В Курдистане ведение скотоводческого хозяйства требовало меньшее число рабочих рук, но было несопоставимо менее стабильным.¹⁴ В случае нападения кочевник мог потерять все, и сам кочевой уклад жизни, суровое существование один на один с природой в условиях высокогорья заставляло его ежедневно держать экзамен на жизнеспособность. Делать переходы и перегонять скот, минуя отвесные скалы и бурные потоки, удавалось лишь ценой невероятных усилий, и уж совсем не увязывается с представлениями о легкой и привольной жизни кочевых скотоводов впечатление, вынесенное американским кинорепортером М.Купером от картины перекочевки бахтияр, которая запечатлелась в его памяти как величайшая трагедия.¹⁵ Курдскому кочевнику несравнимо чаще, чем земледельцу, приходилось жить на пределе человеческих возможностей.

Разгадка "тайны" притягательности кочевья для курда, как представляется, заключена в особой роли, которую играл кочевой скотоводческий уклад хозяйства в истории областей Курдистана вообще и Юго-Восточного Курдистана в особенности. Пограничное положение между двумя враждебными империями превращало страну курдов в постоянно действующий полигон. В подобной ситуации ни об экологическом равновесии хозяйственной деятельности человека и природных условий, ни о скользящем равновесии кочевого и оседлого укладов хозяйства говорить не приходится. В таких условиях высокая степень концентрации населения и более организованная его общность, а, следовательно, и возможность выстоять и защитить себя были реальными лишь во временных палаточных лагерях. И прибежищем экономи-

ческого, политического и идеологического порядка для курда выступали племя и скотоводческое кочевье.

На примере истории Арделанского княжества можно заключить, и на этом мы останавливались неоднократно,¹⁶ что наличие кочевого скотоводческого хозяйства послужило условием сохранности и существования данного социального организма. Не будет, как представляется, преувеличением сказать, что в водовороте политических коллизий в регионе и как этническая общность курды едва ли смогли сохранить себя, если бы в экстремальные моменты своей истории они не имели возможности уходить в свои горы, где их оплотом служили кочевье и племя.

Кочевой уклад хозяйства и кочевое племя выполняли, на наш взгляд, и другую важнейшую этно-социальную и политическую функцию. Для них не существовало границ, разделявших Османскую империю и Иран, Арделанское княжество и Бабанское. После ирано-турецкого договора 1639 г., который, казалось бы, внес некоторую ясность в пограничные притязания двух империй, джафские курды из года в год продолжали передвигаться тем же путем сезонных перекочевов, что и прежде. Весной они откочевывали во владения Бани Арделанов и поднимались в горы, осенью снова пересекали границу и переходили на бабанскую территорию, на свои зимовья в долинах Шахризур. Политическая граница между двумя государствами и строжайшие запреты арделанских правителей (в периоды обострения их отношений с Бабанами) пересекать границы их владений были бессильны изменить традиционные пути перекочевов джафских племен. Курдские кочевники практически размывали границы государств, поделивших страну курдов надвое. Как артерии, связывали они разобщенные курдские области воедино, осуществляя интегративную функцию в пределах в с е г о региона Юго-Восточного Курдистана.

Скотоводческое кочевье проявило себя в Курдистане не воплощением хозяйственной отсталости и тормозом социально-экономического развития, вопреки мнению ряда авторов. В экстремальные периоды курдской истории именно оно служило хранителем производительных сил региона и связующим звеном между отдельными частями страны курдов – вплоть до конца рассматриваемого периода.

-
1. См. V.Minorsky. Senna. – EI, vol.IV.Leyden-London,1934,p.235; M.M.Van Bruinessen. Agha, shaikh and state. On the social and political organization of Kurdistan. Utrecht, 1978, p. 24.
 2. Е.Г.Марков. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976, с. 9.

3. Там же.
4. Т.И.Султанов. Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М., 1982, с. 56.
5. Van Bruinessen, p. 25.
6. F.Barth. Principles of social organization in Southern Kurdistan. - Universitetes Etnografiske Museum Bulletin, N 7. Oslo, 1953, p. 35.
7. Van Bruinessen, p. 25.
8. См. В.В.Трубецкой. Бахтиары (оседло-кочевые племена Ирана). М., 1966, с. 102.
9. Van Bruinessen, p. 47.
10. Barth, p. 53.
11. Баязиди Мела Махмуд. Нравы и обычаи курдов. Перевод, предисловие и примечания М.Б.Руденко. М., 1963, с. 52-55.
12. M.V.Rowton, Autonomy and nomadism in Western Asia, - *Orientalia*. Vol. 42. Fasc. 1-2. 1973, p. 249.
13. См. И.П.Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XV - начале XIX вв. Л., 1949, с.76; Barth, p. 20; В.В.Трубецкой. Основные тенденции процесса перестройки традиционного нomaдизма в современном Иране. - Иран. Экономика. История. Историография. Литература. М., 1976, с.171-172.
14. Barth, p. 42. См. также В.Никитин. Курды. Перевод с французского. М., 1964, с. 127; А.И.Першиц. Оседлое и кочевое общество северной Аравии в новое время. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1971, с. 17.
15. Трубецкой. Бахтиары, с. 106.
16. Е.И.Васильева. О кочевниках Юго-Восточного Курдистана. - III и ПИЖНВ, 17-я годовичная научная сессия ИО ИВ АН СССР. М., 1983, с. 121; Хусрав ибн Мухаммад Бани Ардалан. Хроника, (История княжеского дома Бани Ардалан). Факсимиле рукописи, перевод с персидского, введение и примечания Е.И.Васильевой. М., 1984, с. 62.

Н.Е.Васильева

**К.А.ИНОСТРАНЦЕВ КАК СОТРУДНИК ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТДЕЛА
РУССКОГО МУЗЕЯ**

В Петербурге научные этнографические исследования начались под руководством Русского географического общества, основанного в